

СУД ПИЛАТА, *ИЛИ* ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ВЫБОРОМ

С.Н. Кочеров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

kocherov@yandex.ru

Sergey Kocherov

National research University «Higher school of Economics» – Nizhny Novgorod

Pilate's Trial, or The Man Facing a Choice

АННОТАЦИЯ: В статье исследуются обстоятельства суда Понтия Пилата над Иисусом Христом и мотивы, которые побудили Пилата вынести смертный вердикт. Автор попытался представить ход судебного процесса в противоборстве интересов конкретных людей и сложности исторической ситуации, без учета которых поведение Пилата и его приговор получают упрощенное объяснение. Обосновывается, что, хотя Филон Александрийский и Иосиф Флавий в своих трудах изобразили Пилата жестоким и неумолимым гонителем их народа, его действия имели вполне рациональный характер и были обусловлены интересами Римской империи, как их понимал ее наместник. Опровергается мнение о том, будто Пилат во время процесса вел себя непоследовательно и двусмысленно. Анализируются политические интересы, юридические особенности и моральные факторы, которые оказали влияние на принятое им решение. Это позволяет снять с Пилата традиционное обвинение в том, что его вердикт был вызван страхом перед гневом императора Тиберия, чем угрожали ему первосвященники.

ABSTRACT: This article explores the circumstances of Pontius Pilate's trial of Jesus Christ and the motives that prompted Pilate to hand down the death verdict. The author has tried to present the course of the trial in the confrontation of the interests of particular people and the complexity of the historical situation, without which Pilate's behavior and his sentence receive a simplistic explanation. It is argued that although Philo of Alexandria and Josephus Flavius in their writings depicted Pilate as a cruel and implacable persecutor of their people, his actions were quite rational and driven by the interests of the Roman Empire as understood by its viceroy. The view that Pilate was inconsistent and ambiguous during the trial is refuted. Political interests, legal peculiarities and moral factors that influenced his decision are analyzed. This removes the traditional accusation that Pilate's verdict was motivated by fear of the wrath of the emperor Tiberius, something the high priests threatened him with.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иисус и Пилат, Иудея и Рим, политический выбор, судебное решение, моральный конфликт

KEYWORDS: Jesus and Pilate, Judea and Rome, political choice, judicial decision, moral conflict

В истории существует особый тип личностей, которые не побеждали в сражениях и не основали государств, не совершали революций и не проводили реформ, не написали великих романов, картин и симфоний, не создали новых теорий и учений. Эти люди прожили бы заурядную жизнь и не оставили бы в истории никаких следов, если бы не повлияли на судьбы выдающихся деятелей и мыслителей человечества. Одним из них был

Понтий Пилат, вошедший в историю как римский чиновник, осудивший Иисуса Христа. «В настоящее время почти все историки, христиане они или нет, признают, что Иисус существовал, и что евангелия содержат много ценных свидетельств, которые должны быть критически взвешены и оценены» (Stanton 2002, xxiii). Но что считать реальными событиями в жизни «исторического Иисуса» и как их отделить от религиозно-мифологических наслоений в рассказах евангелистов? По мнению А.С. Десницкого, практически все исследователи согласны лишь в том, что «Иисус – реальная историческая личность, иудей, живший в Галилее в начале I в. н. э., проповедовавший своим ученикам и другим слушателям, а затем распятый в Иерусалиме» (Десницкий 2021, 695). При этом особое значение приобретает суд Пилата, за которым последовала казнь Иисуса.

Многие историки в наши дни считают это событие несомненным. «То, что он был распят, настолько точно, насколько это вообще возможно в истории, поскольку и Иосиф, и Тацит... согласны с христианскими свидетельствами, по крайней мере, в этом основном факте» (Crossan 1995, 145). Так как Иисус был казнен после суда, вызывает интерес как личность того, кто вынес смертный приговор, так и мотивы, побудившие его принять это решение. Сегодня исследователей более занимает вопрос, чем было вызвано поведение на суде Иисуса – покорностью своей религиозной миссии или неприятием авторитарной римской власти. Приговор Пилата они объясняют жестокостью к подсудимому или его страхом перед гневом императора при вынесении неугодного иудеям решения. Такая трактовка его действий, как будет показано, уязвима для критики. Но сначала нужно понять, кем был этот человек и в чем он видел интересы Рима в Иудее.

Личность Понтия Пилата

Префект¹ Понтий Пилат (Pontius Pilatus) был пятым римским правителем Иудеи с 26/27 по 36/37 год н.э. Историкам ничего неизвестно об его жизни ни до назначения на эту должность, ни после того, как он был отослан в Рим (Lémonon 2007, 121). Не сохранилось даже его личное имя (praenomen), так как Понтий – имя рода (nomen), а Пилат – прозвище (cognomen). Родовое имя указывает на происхождение предков Пилата из Самнии (Demandt 2012, 46-47), а должность префекта – на принадлежность к сословию римских всадников (Bond 1998, 9). Согласно *cursus honorum*, утвержденному императором Августом, чиновник из всадников мог стать префектом, лишь имея опыт участия в боевых действиях и руководства войсками (Demandt 2012, 48), что, возможно, подтверждает его прозвище (от *pilum* – метательный дротик).

По мнению У. Картера, Пилат был образован, обеспечен и имел поддержку влиятельных лиц в Риме (Carter 2003, 15). Хотя его должность не считалась престижной, так как Иудея в то время входила в римскую провинцию Сирия, и префект ее прямо подчинялся не императору, а легату, пребывание в ней было делом ответственным. Во-первых, в условиях периодически ведущихся войн между Римом и Парфией Иудея имела важное стратегическое значение. Во-вторых, она была населена, с точки зрения

¹ Титул Пилата как правителя, указанный на так называемом камне Пилата, – «префект Иудеи» (*praefectus Iudaeae*). У Тацита он назван прокуратором, у Иосифа Флавия и Филона Александрийского – эпитропосом (*ἐπίτροπος*) (Schwartz 1992, 397). При императоре Клавдии титул префекта был изменен на прокуратора, что объясняет, почему более поздние источники дают Пилату этот титул (Bond 1998, 11-12). В Новом Завете используется общий греческий термин гегемон, или игемон (*ἡγεμών*), который также применяется к Пилату у Иосифа Флавия (Schwartz 1992, 397).

практичных римлян, беспокойным и фанатичным народом, категорически отказывавшимся принять римских богов. В-третьих, в течение первых шести лет его префектуры легат Сирии Луций Ламия находился в Риме, что делало правление Пилата более независимым и подотчетным императору Тиберию (Bond 1998, 14-15).

Римский префект в Иудее исполнял военные обязанности, возглавлял судебную систему, отвечал за сбор дани и налогов, а также за расходование средств, включая чеканку монеты (Schwartz 1992, 197). Так как Рим проявлял относительное уважение к местным элитам, Пилат должен был считаться с царями, правившими в двух частях Иудеи, и Синедрионом – высшим органом религиозной, политической и судебной власти иудеев. Важным средством контроля римского наместника над Синедрионом было его право назначать и смещать иудейского первосвященника (Lémonon 2007, 86-88). Пилат этим правом не воспользовался, и в течение всего его правления первосвященником оставался Иосиф бен Каиафа, что предполагает взаимопонимание между ними.

О том, каким правителем и человеком был Пилат, можно судить по его действиям. Однако следует учесть, что за отсутствием римских документов исследователи часто оценивают префекта по трудам иудейских авторов, не скрывавших своей неприязни к Пилату. Так, его современник Филон Александрийский, ссылаясь на письмо царя Ирода Агриппы императору Гаю Калигуле, отзываясь о наместнике самым нелестным образом. Он рассказывает, как тот, действуя не столько во славу императора, сколько ради огорчения подданных, выставил во дворце Ирода в Иерусалиме позолоченные щиты с посвящениями в честь некоего лица. Это вызвало сильное волнение среди знати и народа, возмущенных нарушением закона и обычаев.

Пилат, будучи *«от природы жесток, самоуверен и неумолим»*, не отказался от своего замысла, и тогда иудеи стали обвинять его, что он хочет подбить их на мятеж против императора, и угрожать отправкой послов к Тиберию. Хотя наместник был сильно смущен, что император узнает об его *«взятках, оскорблениях, лихоимстве, бесчинствах, злобе, беспрерывных казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости»*, он не стал отменять решения. Лишь приказ разгневанного Тиберия вернуть щиты в храм Августа в Кесарии вынудил Пилата проявить уважение к запрету иудаизма на посвящение дорогих даров человеку, а не Богу (Филон Александрийский 2017, 109-110). При этом Филон не называет имени того, кому Пилат посвятил щиты, хотя из контекста следует, что это был либо почивший Август, либо сам Тиберий.

Иосиф Флавий также пишет о том, как Пилат, приведя войско из Кесарии, решил *«для надругания над иудейскими обычаями»* внести в Иерусалим изображения императора на знаменах, чего не позволяли себе его предшественники. Это нарушение запрета Торы породило массовое возмущение иудеев, которые шесть дней толпами приходили к Пилату и умоляли убрать их. Префект отказывал им в прошениях, говоря что *«это будет оскорблением императора»*, а на шестой день велел воинам окружить недовольных и грозил перебить всех, кто не разойдется. Однако пришедшие обнажили свои шеи и заявили, что скорее умрут, чем дадут нарушить их мудрый закон. Такая стойкость произвела впечатление на Пилата, который приказал забрать изображения императора из Иерусалима и вернуть их в Кесарию (Иосиф Флавий 1999, 495-496).

Можно ли всецело полагаться на оценки личностных качеств и мотивов Понтия Пилата, данные Филоном и Иосифом? Безусловно, их мнения о римском префекте как людей, близких ему по времени, должны быть учтены. Но не нужно забывать, что оба они были ортодоксальными иудеями, судившими о поведении других людей, исходя из логики

своего мировоззрения. Пилат же был носителем другого мировоззрения, и в его действиях, направленных, по мнению обвинителей, на унижение достоинства иудеев и провоцирование их восстания, можно усмотреть иную логику. Ту, что была обусловлена его пониманием своей миссии как наместника Рима в завоеванной стране. В этой связи заслуживает внимания мнение Дж. Тейлор, что Пилат проводил политику продвижения имперского культа, вызвавшую трения с иудейскими подданными империи (Taylor 2006).

К тому времени в Риме и в Италии уже сложился культ поклонения императору, соединивший религиозное и государственное начала. Так, император Август после смерти «стал государственным богом Divus Augustus государственного культа и получил в Риме государственные храмы и жрецов» (Джарман 2012, 105). Императорский культ был важным элементом идеологии Римской империи. Не случайно надпись на динарии кесаря, которым искушали Христа (Мф 22, 15–22), гласила: «Тиберий Цезарь, сын божественного Августа, Август, верховный понтифик» (Кураев, 2017, 10). Пилат, вероятно, видел свой долг префекта в продвижении этого культа в одной из провинций на Востоке, где еще помнили другого «живого бога» – Александра Македонского. Но, в отличие от прочих народов Римской империи, иудеи верили в единого Бога и не признавали иных «богов». И примирить эти два культа было совершенно невозможно.

Очевидно, Пилат и сам понял тщетность своих попыток, поскольку далее Иосиф Флавий связывает с ним события иного рода. Однажды правитель Иудеи решил провести акведуки в Иерусалим, страдавший от недостатка питьевой воды. Но деньги на его постройку он взял из храмовой казны, чем вызвал возмущение многих иудеев. Они окружили рабочих и стали требовать, чтобы возведение акведука было прекращено, а деньги возвращены, причем дело дошло до оскорблений Пилата. Префект некоторое время терпел, а затем велел переодетым воинам пустить в ход дубинки, что те и сделали *«более рьяно, чем то было желательно самому Пилату»*. В результате были убиты и покалечены многие люди, как мятежные, так и невинные, однако возмущение было подавлено, и работы продолжены (Иосиф Флавий 1999, 496).

Последнее происшествие, в котором Иосиф Флавий также обвиняет Пилата, было спровоцировано неким лжепророком, созвавшим в одну деревушку множество жителей Самарии. Префект принял толпу обманутых верующих за сборище мятежников, послал против них воинов и велел казнить влиятельных пленников как зачинщиков бунта. Тогда верховный совет самаритян пожаловался легату Сирии Луцию Вителлию, представив дело так, что эти люди собрались *«не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата»*. Вителлий велел префекту Иудеи ехать в Рим и держать ответ перед императором, но еще до его прибытия Тиберий умер (Иосиф Флавий 1999, 499-500). Дальнейшая судьба Пилата неизвестна, и все сведения о ней носят чисто гипотетический или апокрифический характер².

Какой свет проливают эти действия Пилата на него как правителя и как личность? Перед нами предстает римский чиновник времен принципата – преданный идее Римского мира (Pax Romana) и ее верховному носителю – императору, верный римским законам и порядкам и не склонный вникать в обычаи управляемого им народа, инициативный, деятельный, отдающий предпочтение силе перед дипломатией. Судя по ним, префект был

² Автор склонен принять точку зрения П.Л. Майера, согласно которому «судьба Понтия Пилата была скорее похожа на судьбу отставного чиновника, римского экс-магистрата, вышедшего на пенсию, чем на что-то более катастрофическое» (Maier 1971, 371).

властным и жестким человеком, обладавшим личным мужеством и способным оценить его в других, привыкшим полагаться более на интуицию и опыт, чем на отвлеченные знания. На мой взгляд, Пилат сочетал в себе традиционные добродетели своего народа: *virtus* (доблесть), *pietas* (благочестие), *fies* (верность), *constantia* (твердость), – с типично римскими пороками: надменностью, жестокостью, корыстолюбием. Эти качества должны были проявиться и в главном событии всей его жизни.

Суд над Иисусом

Ни один историк древнего мира или средних веков³ не оставил описания ареста Иисуса и суда над ним. По мнению А. Деманда, римляне просто не придали казни Иисуса особого значения, видя в ней всего лишь одно из многих распятий в то время (Demandt 2012, 44–45). Поэтому приходится обращаться к евангелиям, не забывая о том, что их писали люди, желавшие не объективно воссоздать ход событий, а восславить Иисуса как Мессию и Сына Божьего. К тому же они расходятся в деталях суда над Иисусом, а также в оценках его участников, и прежде всего, Пилата, чье поведение показано как двусмысленное и противоречивое. Р. Браун уверяет, что евангелисты не заслуживают доверия, поскольку Пилат изображен у них не так, как у Филона и Иосифа Флавия (Brown 1998, 753, 833). Но вряд ли можно считать беспристрастными авторов, изобразивших Пилата гонителем иудеев, а императора Тиберия – их защитником.

Как человек, вынесший смертный приговор Иисусу, Пилат, конечно, несет за него ответственность. Но даже неправое решение еще не превращает судью в палача и убийцу. Нужно учитывать обстоятельства суда, выяснить, чем руководствовался судья, имел ли он свой интерес в казни подсудимого. Знаменитый принцип «*Cui bono?*» («Кому впрок?») рекомендовал римским судьям искать того, кому выгодно преступление, ибо именно он, как правило, в нем и виновен. С этой точки зрения, Пилат не был ни инициатором, ни бенефициаром суда над Христом и его казни. Если исходить из их беседы, приводимой в евангелиях, до встречи с Иисусом префект либо не знал о нем, либо был только наслышан. Х. Бонд полагает, что арест Иисуса был санкционирован Пилатом, который послал за ним отряд воинов (Ин. 18:3) (Bond 1998, 197). Но в таком случае непонятно, почему схваченного Иисуса привели не к Пилату, а к членам Синедриона.

В евангелиях главными обвинителями Иисуса названы фарисеи и «книжники», хотя Ж.-П. Лемонн утверждает, что в аресте и суде над Иисусом главную роль сыграли саддукеи (Lémonon 2007, 172). Он был опасен для этих людей тем, что обличал их в лицемерии, формальном почитании Закона Моисея, корыстолюбии, возвышении себя над народом. Так как Иисус обвинял их публично и выходил победителем из прений с ними, они решили избавиться от галилеянина, подкупив Иуду. Тот не просто указал на учителя при аресте, но донес на Иисуса, чтобы его дело разбирали в Синедрионе. После тщетных попыток уличить оппонента в призыве разрушить храм, его обвинили в том, что он называет себя Христом, т.е. Мессией, и Сыном Божьим (Мф. 26:64, Мк. 14:62, Лк. 22: 67-70). Этого было достаточно, чтобы признать Иисуса виновным в богохульстве и предать смерти, почему и решили верить его суду Пилата.

³ Поскольку христианские интерполяции во фрагменте «Иудейских древностей» Иосифа, где идет речь об Иисусе (XVIII. 3.3), поставили под сомнение аутентичность данного источника, многие современные исследователи находят подтверждение «свидетельства Флавия» в ссылках на него в текстах Агапия Манбиджского (Книга титулов, II) и Георгия Ал-Макина (Всеобщая история), написанных в средние века.

По общему мнению, члены Синедриона поступили так потому, что лишь римский префект мог вынести смертный приговор (Ин. 18:31). Но правом казнить и миловать в Иудее обладал не только наместник Рима. Так, Иосиф Флавий, сообщая, что царем Иродом был казнен праведник Иоанн, которого христиане отождествляют с Иоанном Крестителем, ничего не говорит о санкции Пилата (Иосиф Флавий 1999, 504). Далее Иосиф пишет, как уже при Нероне первосвященник Анан, сын Анана (евангельского Анны), побудил Синедрион приговорить к побитию камнями Иакова, брата Иисуса. Хотя за свое самоуправство Анан был смещен с должности прокуратором Альбином и царем Иродом Агриппой, к этому их склонили возмущенные его произволом законоведы Иерусалима (Иосиф Флавий 1999, 622).

Первые лица Синедриона – первосвященник Каиафа и бывший первосвященник Анан-старший – также могли убедить собрание вынести смертный приговор Иисусу, предъявив ему обвинение в святотатстве, которое не подпадало под юрисдикцию римского префекта. Но они предпочли предать Иисуса римскому суду, дабы сделать его ответственным за казнь их обличителя под предлогом выражения почтения к Риму. С этой целью они изменили формулировку вины Иисуса, который был обвинен перед Пилатом в том, что «развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя себя Христом Царем» (Лк. 23:2). Из всех обвинений префекта заинтересовало только то, называл ли себя Иисус царем Иудеи. Призыв же не платить подати императору он оставил без внимания, возможно, слышав об его ответе отдавать *«кесарю кесарево, а Божие Богу»* (Мф. 22:21; Мк. 12:17; Лк. 20:25).

Подробно диалог между Пилатом и Иисусом приведен лишь в евангелии от Иоанна. Несмотря на вольный пересказ, он выглядит более достоверно, чем у других евангелистов, у которых Иисус на вопрос «Ты Царь Иудейский?» отвечал «Ты говоришь», и более ничего. В отличие от Анана и Каиафы, желавших погубить Иисуса, Пилат был для него чужаком, но не врагом, к тому же носителем власти, которой он призывал отдавать должное⁴. И на прямой вопрос Пилата, называл ли он себя Царем Иудейским, Иисус отвечал, что его Царство не от мира сего, а если бы оно было земным, то его служители вступились бы за него (Ин. 18:36). Поскольку префект понимал, что сын плотника, даже будучи потомком царя Давида, не мог реально претендовать на царство, такой ответ говорил в пользу обвиняемого. Пилат заподозрил, что люди, приведшие к нему этого человека, хотят его руками свести свои счеты с ним (Мф. 27:18; Мк. 15:10).

Поэтому он предложил членам Синедриона судить Иисуса по иудейскому закону (Ин. 18:31), или отвести его на суд к царю Ироду, в юрисдикции которого тот находился как галилеянин (Лк. 23:7). Это было ловкой правовой уверткой и тонким политическим ходом, так как прежде Ирод и Пилат враждовали, а после сделались друзьями (Лк. 23:12). Но Ирод не захотел пролить кровь еще одного праведника, ничем лично ему не опасного, и, посмеявшись над ним, одел в новые одежды и вернул Пилату. Тогда, увидев, что ему не удастся избежать этого суда, префект подошел к делу весьма серьезно и умело управлял процессом, что обычно не замечают те, кто видят в его решениях и действиях защитный или, напротив, обвинительный характер. Например, С. Г. Ф. Брэндон утверждает, что Пилат без всяких колебаний казнил Иисуса как мятежника (См.: McGing 1991, 417-418).

⁴ До этого Иисус не высказал никакого осуждения римской власти, когда «рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лк. 13:1).

Для начала Пилат предложил толпе иудеев у претория, согласно обычаю во время Пасхи (не упомянутому в других источниках), помиловать и отпустить одного из узников. Евангелисты утверждают, что римский правитель держал в уме спасение Иисуса. Может быть, у него было такое желание, однако Пилат облек свое предложение в форму, которая только распалила толпу. Ибо префект обратился к ней с вопросом, следует ли ему отпустить Иисуса, которого он у Матфея назвал Христом, т.е. Мессией (Мф. 27:17), а у Марка и Иоанна – Царем Иудейским (Мк. 15:9; Ин. 18:39). Поскольку иудеи верили, что Мессией станет богоизбранный царь из дома Давида, такая титулатура Иисуса вызвала у них возмущение. С тем большим напором они потребовали, чтобы Пилат отпустил на волю разбойника Варавву, обвиненного в участии в мятеже и в убийстве.

Вряд ли это было ошибкой Пилата, вызванной незнанием им тонкостей иудейского учения о Мессии. Во время суда он зорко следил за развитием ситуации и трезво оценивал возможные последствия. Поэтому его согласие на выбор между Иисусом и Вараввой не было ни уступкой давлению толпы, ни следствием сговора с иудейскими властями, в чем его порой подозревают (Bond 1998, 89). Выведение Иисуса на суд после его бичевания римскими воинами и их издевательства над ним в виде шутовского чествования как Царя Иудейского также не было попыткой разжалобить толпу зрелищем страданий узника. У. Картер отмечает, что Пилат изображен искусным, компетентным и манипулирующим толпой в евангелиях от Марка, Матфея и Иоанна, и только в евангелии от Луки он признает Иисуса невиновным и казнит его под давлением (Carter 2003, 153–154). Но именно у Луки Пилат после приведения Иисуса от Ирода, еще до выбора между ним и Вараввой, говорит иудеям: «Итак, наказав его, отпущу» (Лк. 23:16).

То есть, вступив в права судьи над Иисусом, Пилат уже знал, что покарает его, хотя и не хотел выносить смертный приговор. Но за что он решил наказать человека, которого после беседы с ним признал невиновным? Вспомним, что Пилат был не просто судьей, но префектом, т.е. лицом, представлявшим интересы метрополии в одной из ее провинций. Он не мог игнорировать обвинение Иисуса в попытке мятежа с целью стать царем Иудеи. По мнению ряда исследователей, Пилат судил Иисуса по *cognitio extra ordinem*, форме суда для смертной казни, использовавшейся в римских провинциях и применявшейся к неримским гражданам, что давало большую гибкость при рассмотрении дела (Bond 1998, 198; Lémonon 2007, 172–173). Возможно, с учетом тяжести вменяемого преступления, префект решил наказать Иисуса не за его стремление стать царем, а за то, что он давал повод так думать о нем, смущая народ.

Кроме намерения Пилата свести наказание Иисуса к бичеванию, гипотезу о его сговоре с Каиафой и Ананом опровергает нежелание префекта отказаться от титулатуры Иисуса как Царя Иудейского. Так называет его сам наместник, так обращаются к нему римские воины, так будет написано на табличке, которую Пилат велит установить на кресте. «Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши "Царь Иудейский", но что Он говорил: "Я Царь Иудейский". Пилат отвечал: что я написал, то написал» (Ин. 19:21-22). Категоричный отказ первосвященникам был вызван не столько раздражением префекта, что его вынудили взяться за сомнительное судебное дело, сколько желанием напомнить всем, кому принадлежит власть в Иудее. И Пилат достигает своей цели, когда вынуждает этих людей и толпу признать: «Нет у нас царя кроме кесаря» (Ин. 19:15).

Но можно ли считать Пилата победителем, если он был вынужден уступить и отправить на смерть человека, которого не хотел лишать жизни, а до этого отпустить на свободу мятежника и убийцу Варавву? Конечно, с точки зрения людей, воспринимающих

суд над Иисусом глазами евангелистов, Пилат проявил нерешительность и слабость, приговорив к распятию человека, на котором он сам, по его же словам, не находил вины. Однако римский префект в Иудее судил приведенного к нему проповедника, исходя не из христианских воззрений и ценностей, а из римско-имперских понятий и интересов, ничего не зная о роли во всемирной истории, какую сыграет его подсудимый. Поэтому для ответа на вопрос, что побудило Пилата изменить решение и вынести Иисусу более суровый приговор, чем он полагал вначале, нужно понять, какой выбор стоял перед ним в той ситуации и какие мотивы склонили его к вынесению смертного вердикта.

Дилемма Пилата

Обычно отказ Пилата от дальнейших попыток сохранить жизнь Иисусу объясняют воздействием на него толпы иудеев, которой управляли первосвященники, желавшие гибели своего обличителя. В самом явном виде оно описано в евангелии от Иоанна: «С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Ин. 19:12). Из этих слов делается вывод, что причиной, побудившей Пилата осудить Иисуса на распятие, стал его страх вызвать гнев императора Тиберия. Такая версия заслуживает внимания, поскольку подкрепляется словами Филона Александрийского об инциденте с золотыми щитами, которые Пилат приказал разместить во дворце Ирода. Это оскорбило религиозное чувство иудеев, и они отправили жалобу на самоуправство префекта императору.

Реакция Тиберия, по словам Филона, была весьма бурной: «Тот, узнав о делах Пилата, вознегодовал, хотя гнев его, как известно всем, разжечь было непросто. Немедленно же после этого он написал Пилату письмо, велел ему без промедления убрать щиты и удалить их в Кесарию, где посвятить в храм Августа» (Филон Александрийский 2017, 110). После такого выговора Пилат мог бы испугаться прогневить императора, что было опасно для его карьеры и жизни. Но доверие к словам Филона снижает замечание Иосифа Флавия, что император Тиберий «никогда не принимал посольств тотчас же по их прибытии и не смещал военачальников и наместников до их смерти. ...Подтверждением этого взгляда Тиберия служит и соответственный образ его действий: в течение тех двадцати двух лет, что он был императором, он послал в Иудею всего только двух наместников, Грата и его преемника Пилата» (Иосиф Флавий 1999, 510, 511-512).

Мнению о страхе Пилата перед гневом Тиберия как главной причине, побудившей его переменить свое решение о приговоре Иисусу, можно противопоставить и следующие доводы. Во-первых, Тиберий, проявляя тиранические наклонности в личной жизни, в государственных делах, в отличие от Калигулы и Нерона, следовал прагматизму и не являлся грозой для римских наместников. Во-вторых, правление Пилата в Иудее, как до суда над Иисусом, так и после, показало, что он не боялся принимать решения, возмущавшие иудеев, которые жаловались на него императору. В-третьих, Пилат мог дезавуировать донос на освобождение Иисуса, обвинив членов Синедриона, что они подбили народ на амнистию Вараввы, явного мятежника и убийцы. Вряд ли Каиафа или Анан стали бы в таком случае жаловаться императору на самоуправство его чиновника.

Что же тогда побудило Пилата приговорить Иисуса к распятию на кресте, если не уступка давлению агрессивной толпы и не страх вызвать гнев самого императора? Здесь нужно учесть, что судебное разбирательство Пилатом дела Иисуса имело несколько аспектов, и каждый из них ставил судьбу перед выбором. Для членов Синедриона главная

вина Иисуса состояла в его претензии называться Мессией, в чем они видели религиозное преступление. Ясно, что Пилату, верившему в римских богов, не было до этого никакого дела. Именно по данной причине саддукеи и фарисеи обвинили Иисуса перед Пилатом в том, что он якобы называл себя царем Иудеи. Таким образом, дело приобрело политический характер, что не могло не привлечь внимания префекта. Интересы римского государства во многом и предопределили приговор Пилата.

В деле также была юридическая сторона, важная для префекта как главы судебной системы в Иудее. В правосудности приговора Иисусу, с точки зрения как закона Моисея, так и римского права, разбирались многие исследователи (См.: Greenleaf 1958; Веддиг 2003; Гумеров 2007; Звягинцев 2011; Коэн 1997; Лопухин 2005). Они считают, что в этом судебном процессе было много нарушений, придавших ему обвинительный уклон, лишивших состязательности, не выявивших вину подсудимого и обусловивших смертный приговор. Не зря один из указанных авторов пишет, что «уголовное разбирательство "дела Иисуса" выглядит так, как если бы оно было проведено военным трибуналом» (Веддиг 2003, 5). В то время римская власть наделяла своих заместителей правом самостоятельно разрешать в подведомственных провинциях судебные дела в особом, экстраординарном порядке. Евангелисты утверждают, что Пилат много раз говорил, что не находит Иисуса виновным в том, в чем его обвиняют иудеи. Но, возможно, Пилат усмотрел в этом случае, хотя и неумышленное, нарушение закона об оскорблении величия (*lex majestatis*).

Данный закон прежде «был направлен лишь против тех, кто причинял ущерб войску предательством, гражданскому единству – смутами и, наконец, величию римского народа – дурным управлением государством» (Тацит 1993, 41). Однако, начиная с Августа, но особенно при Тиберии, закон об оскорблении величия стал переноситься на личность императора как вождя римского народа. Под него попадали лица, созывавшие противозаконные сходки, подстрекавшие к мятежу, организующие беспорядки. В глазах префекта Иисус, назвав себя Сыном Божиим, формально бросал вызов Тиберию как «сыну божественного Августа». Здесь проявилось важное различие между ними. Если Пилат ставил политику выше религии, то в словах и делах Иисуса «верность Богу не предполагает мятежа против императора, но по той же самой причине она не предполагает и безусловной верности этому императору» (Theissen 1999, 40).

Заслуживает внимания и моральная сторона этого дела, обычно недооцениваемая или превратно понимаемая. Как правило, этическую оценку Пилата сводят к обвинению в «ускоряющемся движении слабости, ...которое начинается нерешительностью и мягкостью, потом переходит попеременно все последующие степени самовосхваления и желания подслужиться, – убеждения, колебания, протеста и компромисса, суеверного страха, борьбы с совестью, осторожной двуличности и, наконец, достигает полной нравственной трусости» (Лопухин 2005, 292). В итоге создается вызывающий осуждение моральный облик Пилата: в лучшем случае – жертвы давления толпы и страха перед императором, в худшем – жестокого убийцы невинного человека. Такая оценка возможна, но не следует подменять восприятие Пилатом Иисуса своим отношением к Христу.

Даже не догадываясь о всемирно-историческом значении личности того, кого он судит, Пилат выносил приговор человеку, с которым он вступил в беседу и проявил если не уважение, то внимание⁵. Поэтому он не мог совершенно хладнокровно приговорить к

⁵ Знаменитый вопрос Пилата Христу «Что есть истина?» вряд ли можно истолковать как циничное высказывание или выражение равнодушия к подсудимому, что делают некоторые исследователи, поскольку

распятию того, чью вину до этого не раз отрицал или не считал ее достойной смертной казни. Принимая свое решение, Пилат, возможно, пережил состояние когнитивного диссонанса. Как судья он не находил оснований для вынесения смертного приговора, но как префект видел нарастающее возмущение толпы, умело направляемой лидерами Синедриона. Не зря некоторые исследователи утверждают, что нерешительность Пилата была вызвана опасением перед беспорядками во время Пасхи, когда в Иерусалим стеклось множество паломников (Evans, Wright 2009, 20). И эта угроза была вполне реальной.

Конечно, римский префект не впервые столкнулся с агрессивной толпой, против которой он не боялся применять оружие. Х. Бонд пишет, что «не только возможно, но и вполне вероятно, что в правление Пилата было много таких коротких вспышек беспорядков, о которых мы ничего не знаем» (Bond 1998, 196). Но в других случаях Пилат разгонял толпу во имя культа божественного императора, ради строительства акведука в Иерусалим или недопущения мятежа. Здесь же он мог сам вызвать возмущение народа помилованием даже не римлянина лишь потому, что не видел причины, по которой следует его распять. По личной *совести* он хотел отпустить его, для острастки наказав бичеванием, но *долг* перед Римом побудил Пилата в этот раз уступить толпе, чтобы не допустить восстания. Не следует забывать, что всего через 30 лет разразилась Иудейская война, начатая, по словам Флавия, из-за того что римский прокуратор Гессий Флор полагал, что «лучше погибнуть многим зараз, чем умерщвлять немногих отдельных лиц» (Иосиф Флавий 1999, 628). В отличие от него, Пилат, скорее, был согласен с Каиафой, сказавшем об Иисусе, что «лучше одному человеку умереть за народ» (Ин. 18:14).

Политическая обоснованность опасений Пилата и моральная допустимость предпочтения долга перед совестью не снимают с римского префекта ответственности за казнь Иисуса. Как пишет Д. Дьюзенбери, «невиновность» Пилата основана на трех повторяющихся мифах: нежелании осудить Иисуса, передачи им права осудить его иудеям и тем, что иудеи ввели его в заблуждение в отношении вины Иисуса, вынудив принести его в жертву (Dusenbury 2021). Не только евангелия, но и другие источники утверждают, что Пилат лично вершил суд, сам вынес приговор и что римские солдаты по его приказу распяли Иисуса. Да, у римского префекта было много причин, чтобы утвердить смертную казнь, и, по сути, всего одна для оправдательного приговора. Пилат сделал свой выбор, вполне разумный, исходя из его должностных обязанностей и политической конъюнктуры, но уязвимый в юридическом аспекте, проблемный с моральной точки зрения и неблагоприятный в исторической перспективе. Но прежде чем осуждать его, нужно честно себе ответить, как бы вы поступили на его месте.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bond, H. K. (1998) *Pontius Pilate in History and Interpretation*. Cambridge, New York.
Brown, R. E. (1998) *The Death of the Messiah. From Gethsemane to the Grave: a Commentary on the Passion Narratives in the Four Gospels*. Vol. 1. New Haven.
Carter, W. (2003) *Pontius Pilate: Portraits of a Roman Governor*. Collegeville.
Crossan, J.D. (1995) *Jesus: A Revolutionary Biography*. San Francisco.

сразу после этого префект «вышел к иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем» (Ин. 18:35). Возможно, Пилат, с высоты своего возраста и опыта, хотел сказать более молодому человеку, что трудно отличить истину от заблуждения, ибо одной истины не бывает, и даже боги не обладают монополией на нее.

- Demandt, A. (2012) *Pontius Pilatus*. Munich.
- Dusenbury, D. L. (2021) *The Innocence of Pontius Pilate: How the Roman Trial of Jesus Shaped History*. Oxford.
- Evans, C. A., Wright, N. T. (2009) *Jesus, the Final Days: What Really Happened*. Westminster.
- Greenleaf, S. (1958) *The Testimony of the Evangelists: The Gospels Examined by the Rules of Evidence*. Grand Rapids.
- Lémonon, J-P. (2007) *Ponce Pilate*. Paris.
- Maier, P. L. (1971) *The Fate of Pontius Pilate*. *Hermes*. 99 (H. 3). 362–371.
- McGing, B. C. (1991) *Pontius Pilate and the Sources*. *The Catholic Biblical Quarterly*. 53(3). 416–438.
- Schwartz, D. R. (1992) *Pontius Pilate*. *The Anchor Bible Dictionary*. By D. N. Freedman. New York. Vol. 5. 395–401.
- Stanton, G. (2002) *The Gospels and Jesus*. Oxford.
- Taylor, J. E. (2006) *Pontius Pilate and the Imperial Cult in Roman Judaea*. *New Testament Studies*. 52 (4). 555–582.
- Theissen, G. (1999) *The Religion of the Earliest Churches. Creating a Symbolic World*. Minneapolis.
- Библия: Современный русский перевод. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (2011) Москва.
- Веддиг, Ф. (2003) *Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста*. Москва.
- Гумеров, А. (2007) *Суд над Иисусом Христом*. Москва.
- Десницкий, А.С. (2021) «Исторический Иисус» как научная проблема. *Ориенталистика*. 4(3). 676–701.
- Джарман, О.А. (2012) *Культ императора в древнем Риме и Италии в межзаветную и раннехристианскую эпоху*. *Христианское чтение*. № 2. 56-118.
- Звягинцев, В. (2011) *Трибунал для Иисуса. Особое мнение российского судьи*. Москва.
- Иосиф Флавий (1999) *Иудейские древности*: В 2 т. Т. 2. Ростов-на-Дону.
- Коэн, Х. (1997) *Иисус – суд и распятие*. Иерусалим.
- Кураев, А. (2017) *Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир?* Москва.
- Лопухин, А.П. (2005) *Законодательство Моисея. Суд над Иисусом Христом. Вавилонский царь правды Аммураби*. Москва.
- Тацит, К. (1993) *Анналы* // Тацит К. Соч.: В 2 т. Москва. Т. 1. 7–326.
- Филон Александрийский (2017) *Против Флакка. О посольстве к Гаю*. Иерусалим; Москва.

References in Russian:

- Библия: Современный русский перевод. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (2011) Москва.
- Веддиг, Ф. (2003) *Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста*. Москва.
- Гумеров, А. (2007) *Суд над Иисусом Христом*. Москва.
- Десницкий, А.С. (2021) «Исторический Иисус» как научная проблема. *Ориенталистика*. 4(3). 676–701.
- Джарман, О.А. (2012) *Культ императора в древнем Риме и Италии в межзаветную и раннехристианскую эпоху*. *Христианское чтение*. № 2. 56-118.

- Zvyagincev, V. (2011) Tribunal dlya Iisusa. Osoboe mnenie rossijskogo sud'i. Moskva.
- Iosif Flavij (1999) Iudejskie drevnosti: V 2 t. T. 2. Rostov-na-Donu.
- Koen, H. (1997) Iisus – sud i raspyatie. Ierusalim.
- Kuraev, A. (2017) Dary i anafemy. Chto hristianstvo prineslo v mir? Moskva.
- Lopuhin A. P. (2005) Zakonodatel'stvo Moiseya. Sud nad Iisusom Hristom. Vavilonskij car' pravdy Ammurabi. Moskva.
- Tacit, K. (1993) Annaly // Tacit K. Soch.: V 2 t. Moskva. T. 1. 7–326.
- Filon Aleksandrijskij (2017) Protiv Flakka. O posol'stve k Gayu. Ierusalim; Moskva.